

18+

Наталья Потёмина ✕

Сеть Сир@но

Наталья Потёмина

Сеть Сирано

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082374

ISBN 9785449048325

Аннотация

«Сеть Сирано» – это история о неразделенной любви, перенесенная из галантного XVII века в жесткую действительность современного сетевого пространства. Героине романа всегда казалось, что в ее жизни была только одна любовь, незавершенность которой повлияла на ее дальнейшее одинокое существование. Не умея исправить собственную судьбу, она берется за устройство личной жизни своей дочери и достигает на этом поприще блестящих результатов, пока не понимает, что попала в сеть, которую сама и сплела.

Содержание

Тетка	5
Ольга	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сеть Сирано

Наталья Потёмина

© Наталья Потёмина, 2019

ISBN 978-5-4490-4832-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тетка

Солнце появлялось в нижнем углу окна и по точной геометрической дуге взбиралось наверх. Его путь пролегал по пересеченной местности, а потому был долог и тернист. Да и оно само, если внимательно присмотреться, не отличалось особой ловкостью. То за раму зацепится, то поскользнется на ровном месте, то прилипнет мухой к давно немытому стеклу, и попробуй потом его оттуда отскобли.

За ежедневными телодвижениями этого горе-первопроходца нельзя было наблюдать без слез. Но тетка научилась проводить свои опыты с плотно закрытыми глазами, что самому процессу нисколько не вредило, а напротив, делало его еще более точным, так как нужды на протирание ослепшей от непереносимого света оптики практически не возникало.

Координаты окна были неизменны, а вот поведение дневного светила существенно зависело от того, какое время года было на дворе. А у нас весна, догадалась тетка. И тут не забалуешь. Тут не проспишь, а наоборот, проснешься с первыми лучами, и будешь с любопытством наблюдать за потугами этого угловатого безумца, пока оно не врежется лбом в стену.

За секунду до удара тетка успевает еще крепче зажмуриться, чтобы не пропустить мимо ушей всплеск звуковой волны, короткие содрогания которой придают всему действию

какую-то дополнительную трагичность. Время на мгновение провисает, а когда вновь натягивается, тетка открывает глаза, не все сразу, а строго по очереди, и видит, как стена вновь бережно принимает солнце на грудь и снова отфутболивает его обратно. Упрямый огненный дикобраз раздувается, злится, бросается вперед на амбразуру и... Г-о-о-л!

Взрыв, крики, искры из глаз...

Браво, мой милый! Оле-оле-оле-оле! Россия вперед!

Оле-оле-оле-оле! Всем надо вставать!

Матвей подлез на мягких лапах и положил голову тетке на плечо. Она лениво чесала у него за ухом и думала, что не так страшно окончание праздника, как его малюют. Особенно когда на дворе весна, и есть полная уверенность в том, что завтра будет новое утро, новая игра и новое интригующее солнце, резкая активизация которого не могла ни сказаться на повадках братьев наших меньших. Буквально в одну только ночь ленивый и где-то даже квелый кот неожиданно превратился в мартовского. А мартовские коты это такие, между нами девочками, виртуозные подлизы, что устоять против их сиропного обаяния еще не удавалось никому.

Матвей вытянул выю и пару раз прошелся твердым наждачным языком по теткинemu оттопыренному уху. Тетка никак не отреагировала, но он отполз от греха подальше и услужливо заглянул ей в глаза:

– Продолжать?

– Еще чего! – сказала вслух тетка и, отбросив кота, пружинила.

жинисто потянулась.

Наше дело предложить – ваше отказаться. Смешно обижаться на тех, кто добровольно упускает свою выгоду. Матвей широко зевнул и принялся за свой индивидуальный утренний туалет.

Тетка опустила ноги на пол точно в то место, где находился ножной тренажер, и стала лениво передвигать ступнями. Пора мыть окна, думала она, наблюдая через мутное стекло за стремительным движением облаков.

Или не мыть? А дожждаться первого апрельского дождя. А лучше, майского. И вот тогда!

Люблю грозу в начале мая... и все такое. Когда какой-то майский гром... и все такое. Когда первая листва... и все такое. Первые цветы... Почему первые? Они же каждый год на том же месте, в тот же час. Фениксы хреновы возрождаются из праха. И все новее, свежее и моложе. А мы? А мы каждый год все старше, тухлее и пожухлей. У них впереди пора роскошного буйного цветения... Нас ждет, мама, лучше и не задумываться.

Последнее время тетка стала замечать в себе какой-то нездоровый и в тоже время неконтролируемый интерес к людям преклонного возраста. Она толкалась с ними в очередях, уступала им место в метро, помогала перейти через дорогу и наблюдала, наблюдала, наблюдала за ними как фанат-натуралист за экзотическими насекомыми. Хотя на самом деле насекомые были вполне обычные: тараканы, жуки-навоз-

ники, кузнечики, муравьи. И все это не такое уж и малочисленное племя интенсивно копошилось, перемещалось, забегало вперед, мешалось под ногами... короче – существовало, и где-то даже нагло и полнокровно. Некоторые особо живучие особи еще имели смелость напоминать о себе в полный голос, бить себя кулаками в грудь, истошно материться и качать права. Мы, типа, за вас жизни не жалели, всем жертвовали, во всем себе отказывали, голод в холод полными корытами и тэ-дэ. А вы такие кабаны, лоси здоровые, танки, гамадрилы, свиньи неблагодарные... и тэ-пэ. В общем, суки здоровые, зажрались.

Справедливости ради надо заметить, что среди них попадались вполне приличные экземпляры вроде бабочек-капустниц, совсем не вредных и более-менее терпимых. Их было даже жалко. Поблекшие и опустившиеся крылышки, сморщенное детское личико, тонкие трясущиеся лапки, острые крашенные коготки. Парила, летела, звенела... Кружила головы, сносила крыши, лишала состояний, рушила карьеры, ни в чем себе не отказывала, плевала, топтала, опускала, доводила, короче, все больше пела. Это дело. А вот теперь, подишь ты, попляши. Сглатывание голодной слюны, вдох скудной грудью и тонкое, надтреснутое, звенящее:

- Сто пятьдесят граммов «Маасдама», будьте добры.
- Может, тебе еще и порезать?
- Если вас не затруднит.
- А не пошла бы ты, бабка... В супермаркет.

Вот она старость. Расплата за грехи. И самое обидное в этом философском раскладе то, что тетка сама приближалась к тому победному рубежу, за которым следует пышный пятидесятилетний юбилей и, привет, подруга, фауна открывает тебе свои объятия. Кем желаете быть? Гусеницей зеленожопкой?

Тетка злобно задвинула тренажер под кровать и подошла к окну.

Пора мыть окна. Вот прямо сегодня. Впустить в дом свет. А зачем нам свет? Темнота – друг молодежи. А мы кто? Мы и есть молодежь. Если не снаружи, то, по крайней мере, внутри.

Так мыть или не мыть? Вот, в общем-то, в чем страданье. Пара будить Оленьку. У девочки сегодня трудный день. Не за горами защита, а сколько еще надо успеть. Конечно, этот потный хмырь обещал помочь, не зря же он в комиссии штаны протирает? Но все равно, Оленька такая нервная, такая восприимчивая.

Тетка улыбнулась своему отражению в зеркале. Вот с дочкой ей действительно повезло. Могла бы попасться какая-нибудь оторва недоразвитая. А тут тютелька в тютельку: косточки тоненькие, волосики светлые, губки бантиком, грудочки аккуратные, глаза в пол-лица. Как можно было такую в детдом сдать? Ну и спасибочки. Ну и на здоровьице. И вам, как говорится, не болеть. Теперь уже неважно, кто там был папа, кто мама, кто бабушка с дедушкой, главное теля нам

досталось.

Тетка вспомнила дела давно минувших лет. Когда-то она, находясь в командировке в занюханном мелком городишке, загремела по женской требе в местный медсанбат. Иначе не назовешь эту гребанную больничку, в немыслимых условиях которой одновременно уживались роженицы, хронички, абортички и брошенные на произвол судьбы дети.

Детей была полна палата. Семеро по койкам. И каждый за ногу привязан. Тетка спросила: «Зачем?» Санитарка ответила: «Чтоб не убегли». Да куда же они убегут, их же ноги еле держат? Тогда, чтоб не навернулись тыквой об пол. А по-другому нельзя? Вот сама и карауль, если делать неча. Вот и покараулю.

Оленьку тетка даже не сразу и заметила. Она оказалась восьмая. Лежала под ворохом пеленок, головы поднять не могла. Что с ней? С энтой-то? С этой. Упря-я-ямая, ничего жрать не хочет. А покормить? Вот те делать неча, ты и корми. Вот и покормлю.

И покормила, и покараулила, и ползунки поменяла, а через неделю поняла, что без Оленьки она отсюда не уедет. Во что бы то ни стало. И стало, действительно, практически даром.

Как-то все быстро закрутилось, само собой образовалось. Препон никто не строил, взятки не выклянчивал, пришлось, правда, смотаться в Москву, собрать кое-какие справки, но ровно через месяц тетка с драгоценной ношей на руках

вернулась в свою коммунальную квартиру на радость себе, на горе обывателям.

В редакции она оформила чин по чину отпуск, профсоюз выделил ощутимую материальную помощь, в жилотделе сразу поставили в очередь на отдельную квартиру, директриса разрешила брать работу на дом, короче, жизнь, в общем и целом, удалась.

Если б не соседи. Две скромные семейки, которые раньше существовали как бы в параллельном измерении ввиду того, что тетка приходила домой, когда они уже спали, а они уходили на работу, когда она еще изволила поживать, теперь вдруг резко активизировались. Конечно, и раньше тетка с ними пересекалась, но как-то без надрыва, без фанатизма, без романтического флера коммунального жилья, а просто «здрасти-здрасти», «сегодня ваша неделя мыть полы», «с вас рубль двадцать за устранение непроходимости санузла», вот, в общем-то, и вся роскошь нечастого человеческого общения.

Тетка не очень переживала по этому поводу, а была даже рада своему суверенитету и не считала для себя нужным строить тесные любвеобильные отношения с людьми, которые задерживались в ее обители не более чем на один-два года. Потом они с настырностью лимитчиков быстро обзаводились собственным жильем, а на их место приходили новые, еще более шустрые претенденты на московскую прописку. Но оттого, что калейдоскоп человеческих лиц качнет-

ся в сторону градусов на пятнадцать, картинка особо не поменяется. Иван да Марья из Ярославля как две капли воды похожи на Михаила и Наталью из Костромы, а те на Василия и Татьяну из Вологды, а те еще на кого-нибудь из Архангельска. Хотя на самом-то деле все люди были разные, своеобразные и по-своему интересные, но тетке с ее лютым московским снобизмом просто не было до них никакого дела. А они в свою очередь принимали ее отстраненность с пониманием, и сами особенно не стремились броситься ей на грудь в порыве неразделенной любви.

Но свято место пусто не бывает. Там где нет любви, там рано или поздно возникает ненависть. А в связи с наступившими в стране переменами, как-то: перестройка, гласность и что-то там еще, надежда соседей на обзаведение собственными уютными гнездышками стала таять не по дням, а по часам. А на ком еще сорвать свою грусть-обиду, как не на этой заматеревшей в своей гордыне матери-одиночке. Мало того, что она одна занимает самую большую и светлую комнату, так еще и имела наглость ребенком обзавестись. Короче, права вороньей слободки были цинично попраны в особо крупных размерах. Если раньше ее обитатели, веря в свое непогрешимо светлое будущее, как-то мирились с теткинским оголтелым превосходством, то с появлением Оленьки, эта муторная необходимость отпала сама собой.

Ради справедливости надо заметить, что у тетки рыльце тоже было не без пушка. Благодаря тому, что ей выпало

на долю быть ветераншей коммунального сообщества, тетка научилась использовать свои сомнительные преимущества с наибольшей для себя выгодой. На правах старшей и более опытной квартиросъемщицы, она не стеснялась диктовать свои условия вновь прибывшим, вследствие чего ее личные обязанности по обиходу их общего жилья сводились к минимальным. А почему, собственно, она должна? Все время на работе, выходные – на даче, хлопоты с ребенком, сон и еда на ходу. А у вас невоспитанные дети, нечистоплотные мужья, и сами вы – плохие хозяйки. Конечно, это все не вслух, конечно, это все про себя, но теткин взгляд все может выразить так чудно! И откуда только взялась такая отточенная опытность у еще, в общем-то, не очень старой женщины?

Старой женщиной тетка действительно не была. Скорее, она была молодой. Только выглядела так, как будто она родилась уже сорокалетней. Даже не лицо, с ним было все более-менее в порядке, а больше грузная непропорциональная фигура, издали напоминающая какой-то народный инструмент типа мандолины, здорово прибавляла ей в возрасте. Тетку не спасала даже сравнительно узкая талия и мелкая на ощупь грудь. Весь ее верхний утонченный аристократизм мерк по сравнению с необъятной пышностью зада и еще более монументальными бедрами. А эта походка! Матрос вразвалочку сошел на берег, как будто он прошел пятьсот Америк. А как еще иначе можно ходить при такой-то кромешной тесноте? Внутри же все в кровь стирается и саднит!

В детстве тетку иначе как Теткой никто и не называл. И она как-то обвыклась, сжилась с этим именем. Спасибо не Бомба и не Корова какая-нибудь. Тетка и Тетка. Только со временем большая буква «Т» сникла, уменьшилась, сравнялась в размерах с другими, да и само прозвище из хлесткого и унижительного превратилось в безобидную констатацию факта. Тетками у нас принято называть всех женщин, переступивших пятидесятилетний рубеж, за малым исключением тех, которым удалось где-то надыбать денег на личного косметолога, тренера и хирурга. Таким нехитрым образом можно продлить свою ускользящую молодость еще на пару-тройку лет, но это все только внешне. А что делать с душой? Что с ней надо делать, чтоб и она была молода?

Конечно, когда тебе под тридцать вопрос еще так остро не стоит. Но все равно, если родить себе ребенка, вполне можно омолодиться путем впадения в детство. А если не родить, то хотя бы удочерить. Что тетка, не задумываясь, и сделала. Не ждать же милостей у природы? Да и на непорочное зачатие надежды мало. А носителей здоровой юркой спермы в стране победившего алкоголизма днем с огнем не найти. А если даже и расстараяешься, то они сами не захотят. Побояться. А вдруг, какая неосторожность? Одно неловкое движение, и можно остаться невинно погребенными под многопудовыми прелестями случайной партнерши по оргазму.

Кстати, об оргазме. Тетка об этой стороне жизни слышала довольно часто, но самой как-то не доводилось. И хотя она

давно и без сожаления рассталась с пресловутой девственностью, и на ее редко паханое лоно порой даже набегали экстремалы, особого удовольствия от самого процесса тетка не испытывала. А если нет удовольствия, чего неволиться? И она почти без сожаления затворила потихоньку калитку, так и не надев на головку кружева.

Кружева, фата, шляпа с вуалью, венчик из роз – все эти сказочные прелести тетке даже и не снились. Вся эта чушь собачья с белыми конями и «прынцами» даже в желторотом девичестве не производила на нее особого впечатления. Не было в этой сказке изюминки какой-то, авантюризма, поэзии. А все то, что как у всех – тетку не прикалывало. Вот если бы не принц, а корсар, и не на коне, а под черными парусами, и не в райские кущи, а в бурливый океан, тогда еще ладно, можно подумать на досуге. Но не по тетке, как говорится, Сенька. Появился, было, один Черный тюльпан на горизонте, прошел мимо победоносным дефлоратором ее одноклассниц, да и пропал. Убили где-то в горах под Кабулом.

Тогда тетку первый раз в жизни проняло не по-детски. Она даже на похороны к нему в техникум ходила. Гроб закрытый, цинковый. Девки режут, а ей не плачется. Вроде бы и надо, хотя бы для приличия, а слез нет. А когда все стали в кузов грузовика карабкаться, на тетку, вообще, такой смех нездоровый нашел, что на кладбище ее решили не брать. Тетка не любила вспоминать, как она долго потом каталась по траве техникумовского газона, не в силах подавить в се-

бе хохот. Только потом ей умные люди объяснили, что такие состояния находят только на особо незащищенных людей при непосильных для них эмоциональных переживаниях. Мозг не справляется с нагрузкой и блокирует ситуацию, используя такие инструменты, как потеря памяти, отключение сознания или вот такой неприлично безудержный смех. Но когда это было? И было ли вообще?

А потом поступление в девчачий институт, завидное распределение в редакцию женского журнала, работа в дружном коллективе старых дев со всеми вытекающими из обстоятельств дела последствиями.

В МАИ надо было поступать, или в Бауманку, там мужиков, как котов нерезаных. Всякие КВНЫ, стройотряды, «картошки»... В смысле охмурить, особенно хороши общежитские попойки. Там все так надираются, что даже лишь наблюдая за процессом свального греха, можно наутро предъявить претензии практически любому участнику мероприятия. В те давние годы по залету еще женились. Были, что и говорить, «рыцаря». Не то, что нынешние. Сто долларов на чистку, и иди, детка, ищи себе другого идиёта.

Короче, тетка и тут пролетела. А могла бы устроить свое женское счастье, если бы подсуетилась. Этажом выше жил Сашка Елифанов, как раз новоиспеченный студент какого-то технического вуза, с которым тетка в нежные детсадовские годы не один пуд каши съела. Класса до четвертого они были просто друзья-приятели, класса до девятого – классо-

вые враги, а в десятом они снова сошлись на почве безысходного юношеского томления.

Тетка забежала к Епифанову якобы по делу, физика ей плохо давалась и математика. Но Сашка тоже был еще тот разлентяй, и к обоюдному удовлетворению сторон все как начиналось физкультурой, так ею же и заканчивалось. Тетка уходила домой мятая, красная, измученная, но, как ни странно, еще более жадная к знаниям, чем прежде. Но как она ни билась, как ни старалась, именно эти тайные коды, так и остались для нее не расшифрованными. Чего не скажешь о Епифанове. К окончанию школы Сашка был уже в такой хорошей физической форме, что его не стыдно было и людям показать. И тетка показывала. Назло тому, Тюльпану черному, который так и не снизошел.

Но Епифанова тетка не полюбила, а потому и не вышла замуж. Короче, гордая была. Хотя он звал. По молодости, по глупости. Первая женщина все-таки. Но бог не Ерошка, видит немножко. Пожалел, дурака, отвел. Тетка, конечно, славная тетка, но друзья не поймут. Такая жопа необъятная, за неделю не оббежишь. К тому же с приобретенным опытом круг любительниц повалиться на матах и попрыгать верхом на козле заметно расширился, и Сашка уже сам мог выбирать, кого осчастливить, а кого несолоно хлебавши отпустить. Тетка строго по благу находилась в числе избранных пользователей, но ее и без того нечастые походы за книгой, порой только книгой и ограничивались.

Вскоре тетка решила, что у нее дома библиотека ничем не хуже Епифановской, и если он захочет, тот сам найдет повод углубиться.

Сашка отнесся к ее решению с пониманием и где-то даже облегчением. А тетка, втайне надеясь, но так и не дождавшись, сделала для себя следующее заключение: никогда ничего не проси у мужика, потому что если он захочет, то сам найдет возможность, а не захочет – фиг ли унижаться. Позже, найдя нечто подобное у Булгакова, тетка еще больше загордилась и решила до конца своих дней не изменять этому правилу.

Таким образом, девическая страница теткиной жизни была благополучно перевернута. Почему благополучно? Потому что без последствий. Две ее ближайшие подруги, зачистившие по ее рекомендации к Сашке, не могли этим похвастаться. Надя Чигавонина залетела буквально на первом месяце тренировок, Витуся Чмух продержалась целый сезон. И это были только два известных тетке случая. Наверняка существовали и другие, не менее плодовитые физкультурницы, которых Епифанов не приводил в свой дом, а использовал строго на стороне.

Короче, все вокруг давно плодились и размножались, а с теткой ничего подобного не происходило. На тот период жизни ей и самой не больно хотелось, но вопрос назрел, и его надо было вскрывать.

Умная старушка-гинеколог при первом визуальном

осмотре никакой патологии не выявила, а лишь заметила некоторые индивидуальные особенности, не требующие специального лечения. Наличие несколько вычурного загиба матки не могло стать причиной теткиного бесплодия, и потому нужно было просто набраться терпения и ждать, пока какой-нибудь самый быстрый и точный сперматозоид не заплутает и достигнет.

Но тетка и сама уже брезговала предоставлять свою беговую дорожку кому попало. Будет – хорошо, не будет – еще лучше. Но сама она пальцем не пошевелит. Глупо тратить драгоценное время на трение отдельных фрагментов человеческой плоти, тем паче, что это слякотное и совершенно безмозглое занятие еще ни разу не принесло тетке того блаженства, о котором ее красноречивые подруги прожужжали ей все уши. Сами они погружались в него сколь намеренно, столь и постоянно, и в глубине своих развратных душ искренне сожалели о нераскрытой чувственности своей несчастной подруги.

А зря. Работа у тетки была замечательная, планов громадье, общения с интересными людьми навалом, и чего при всем таком многообразии и многоцветии жизни зацикливаться только на той из ее граней, которая временно повернулась к лесу передом, а к нам, грешным, задом?

И жила бы тетка не тужила, если бы ни эта совершенно рождественская история с маленькой девочкой Оленькой. Именно ее неожиданное появление стало тем послед-

ним кирпичиком, который вставила судьба в глухую стену теткиного забора, и ее и без того самодостаточное существование стало еще более прочным и непоколебимым.

– Просыпайся, ягодка моя, – ворковала тетка, склоняясь над кружевной постелькой своего божества, – утро наступило, птички поют...

Божество спрятало под одеялом непогрешимо розовую пятку и перевернулось на другой бок.

– Давай, Олюшка, вставай, – сказала тетка чуть строже, но внутреннее умиление от этого не растаяло, а напротив, только увеличилось в размерах.

– Еще немножко, мам, – ответствовала ягодка.

При этом глазки ее недовольно сожмурились, а губки надулись и приняли форму перевернутой улыбки.

– Я сварю тебе кофе, – сказала тетка и вышла.

На самом деле время еще было. Можно было дать этой сонне-засоне еще минут пятнадцать понежиться, но тетке в это необыкновенное утро самой не терпелось поскорее увидеться с дочерью, чтобы заручиться ее согласием на один очень интересный эксперимент.

Была у тетки беда. Такая беда – врагу не пожелаешь. Ее Оленька, ее девочка, ее ангелочек белокрылый, светик-солнышко ясноглазое, дурочка глупенькая – без ума, без памяти была влюблена в одного женатого подонка.

Хотя, нет. Какой такой подонок? Вполне приличный человек, преподаватель, кандидат наук, активист, пацифист,

отец, семьянин, спортсмен-яхтсмен, автомобилист-любитель и на редкость ловкий ходок по маленьким девочкам.

И на здоровье! Танцуй, пацан, пока молодой! Веселись, жизнь коротка. Но только почему заложницей твоего неумного жизнелюбия должна стать именно моя девочка? Кровиночка, слезиночка, родинка золотая? Полно же вокруг других, охочих до постельных игрищ молодух, я уже не говорю про старух, которые перед своей половой кончиной буквально не надышатся на любого, кто бы ни рискнул предложить им свои скудные услуги.

Так ведь нет! Ему подавай чистую девочку в кофточке белой. Вот, мол, – ромашка моя. И самому приятно в тесном коридоре поелозить, и людям завидно. Ах, ты сволочь недобитая, чтоб все, что выросло, у тебя отсохло. Неужели бы я с тобой, гнидой переменчивой, не справилась? С моими-то связями? Да одной левой, не сомневайся. Да вот только Оленьку жалко. Страдает маленькая. И за каждую ее слезу, ты мне ответишь. Перегрызу тебе горло к чертовой матери, разлюбезный ты мой друг, Илья Петрович. И жив ты только ее вечерними молитвами и моим вселенским терпением. Но сколь веревочке не виться, конец все равно не за горами.

И что ты думаешь? Семь лет! Семь долгих лет упорных трудов, бессонных ночей, пролитых слез, интриг, скандалов, уговоров и угроз – они просто не могли ни увенчаться успехом. Пока еще не полным, пока зыбким, дрожащим,

неустойчивым, зато вполне конкретным и перспективным. Тетка уже могла бы и расслабиться и даже почивать на лаврах. Снежный ком сам набирает обороты и грозит оставить на месте Ильи Петровича только его плоскую и безобидную копию. Но фигурки вам с маслом. Благородное дело на самотек не пускают. За ним надо наблюдать, надо направлять, толкать, холить и лелеять, чтоб однажды получить желаемое. Ай да тетка, боже мой! Ай да сукина ты дочь!

А тут еще Надя Чигавонина – дорогая моя подруга! Чтоб я без тебя, калоша старая, делала! Тут хочется заметить, что Надя таки родила от Епифанова девочку, которую Сашка, надо отдать ему должное, признал своей, но жениться, кобель окаянный, не соизволил. И он такой был не один. На Чигавониной жениться больше никто не захотел. Чего не скажешь о другой теткой подруге Витусе Чмух. После Епифанова Витка поклялась, что впустит в себя мужика только через свой собственный труп. И как ни странно около пока еще живой и очень даже здравствующей Витки выстроилась довольно внушительная очередь местных «некрофилов». Не то чтобы они конкретно хотели надругаться над ее бездыханным телом, просто Виткина железобетонная оборона очень возбуждала их романтические умы, и они вполне самостоятельно доводили и без того запутанную ситуацию до полнейшего абсурда: все наперебой клялись Витке в неземной любви и звали замуж. И невдомек им было сорванцам, что с ней все не так просто, как виделось на первый взгляд.

Если взрослая, вполне созревшая девушка с таким фанатизмом и где-то даже остервенением охраняет свою настоящую или мнимую девственность, надо насторожиться. После чего подключить мозги и дать им максимальную нагрузку. Тем более, что вариантов на самом деле не так и много. Или барышня полная идиотка, и это не обсуждается. Или она от души нагулялась, а потом все зашила. Или внутри нее такой надлом, что, как говорится, не умеешь – не берись. А наша Витуся как раз была из этих, невинно покалеченных. Ничего не скажешь, тяжело ей дался первый, он же и последний аборт. На всю жизнь хватило. Потому остальных детей она родила всех, без исключения. И за жизнь у нее их накопилось целых четыре штуки. И тоже, блин, одни девки.

Так что на трех подруг в среднем выходило по две невесты. И всех надо было пристраивать. Оленька среди них была самая молоденькая, а, следовательно, и самая перспективная. Сестры Чмухи и Чигавонина-младшая давно уже были женщины с прошлым, и их матери сбились с ног в поисках хоть каких-нибудь захудалых женихов.

Так вот, опять о Наде. Эта разумная перечница владела салоном для новобрачных под громким названием «Ошеломление». Или «Вдохновение»? Или «Восхождение»? Тетка никак не могла запомнить, да это было и неважно. Она бы и впредь не вдавалась в эти креативные тонкости, если бы не нужда. Салон для новобрачных! Кармически притягательное место! И как можно, сидя на таких золотых яйцах,

не снести себе любимой маленького аккуратненького зятя-ка? А заодно и о подругах позаботиться.

Теткина журналистско-редакторская деятельность научила ее не только сбору материала, но и использованию его с наибольшей для себя выгодой.

– Надя, что хочешь, делай, но чтобы через месяц у меня была вся информация.

– О чем ты, Танюш?

Кстати, она звалась Татьяной...

– Я распечатаваю тебе анкету, – сказала тетка, – в которой твои клиентки кроме всякой там ерунды, вроде, как они нашли твой салон, и как он им понравился, должны будут невзначай заполнить еще одну хитрую графу.

– Какую еще графу, сердце мое?

– Где, когда и при каких обстоятельствах они встретили своего суженого-ряженого.

– Каким же образом, дорогая моя, я заставлю их все это проделать?

– Скидку дашь.

– Еще чего!

– Дашь как миленькая. В цену забьешь и дашь.

Тетка рассчитывала, что на проведение опроса общественности понадобится уж никак не меньше месяца. Какого же было ее удивление, когда буквально через пару недель прилежная Чигавонина бросила ей на стол довольно пухлую пачку заполненных анкет:

– Все! Баста. Дальше можно не продолжать.

Тетка видела, что Чигавониной не терпится поделиться результатами проделанной работы, но тут ее желание вступало в противоречие с законами жанра. Надьке во что бы то ни стало захотелось потянуть время, повыпендриваться, порастопыривать пальцы, поглумиться над теткинским любопытством, но та, не предоставив ей такой возможности, равнодушно спросила:

– Кофе будешь?

– Не буду.

– Чай?

– Не буду.

– Потанцуем?

– Не буду.

– А в обнимку?

– Интернет.

– Что «интернет»? – не поняла тетка.

– Таня, все дело в интернете!

Тетка недоверчиво скривила губы и почесала макушку:

– Ну, приходилось мне слышать о подобных способах общения, но чтобы замуж? Как-то не верится.

Надька вынула из папки анкеты и тут же разделила их на две кучки. Ничего не скажешь, подготовилась.

– Фифти-фифти? – прикинула тетка.

– Нет, Таня, больше, – затараторила Надька, – где-то сорок к шестидесяти. Представляешь? Шесть из десяти. Даже

почти семь! Две трети, Таня! Две трети! Такой улов! И это не выходя из дома!

Надька схватила стакан, налила себе воды из-под крана и, перейдя на жаркий доверительный шепот, продолжила:

– Таня, я тебе больше скажу, не только наши девки, но и мы сами могли бы поднатужиться и отхватить кусок пирога от общего каравая.

– Чигавонина, ты в своем уме? – засмеялась тетка.

Надька громко втянула носом воздух и, выскочив из-за стола, потрусила в прихожую.

Тетка поймала ее около дверей.

В среднем Чигавонинский гнев длится не более двух-трех минут. Время истекло, но она все еще сердито сопела.

– Как я тебя люблю! – растрогалась тетка, – дура ты моя обидчивая!

Конфликт был исчерпан, они обнялись и вполне довольные друг другом расстались.

Ну, и что мы имеем на-гора? Тетка прошла на кухню и вытянула из пачки новую сигарету. Шесть к четырем, говорите? Верится с трудом. Но, как бы сказала наша незабвенная Чигавонина – против факта нет приема. Надо просто его принять таким, каков он есть, и подумать о том, что с ним дальше делать.

Тетка разложила анкеты веером и задумалась. Даже если использовать этот опыт в качестве основы, то, как конкретно можно будет его развить? Не Оленька же будет разме-

щать свою анкету в интернете. Ее же, упрямыцу нашу показательную, силком не заставишь. Тогда возникает естественный в данной ситуации вопрос, каким образом можно будет этот процесс стимулировать, и сможет ли чей-нибудь положительный пример возыметь необходимое нам действие?

Тетка не сомневалась, что сразу от нее Чигавонина поскочет к Чмухе, чтобы окунуть и ее жаждущую зятя душу в золотисто-радужный бальзам своих далеко идущих планов. У Витки девки юркие, им только палец дай, и они всю руку по плечо отхватят. С такими-то зубами и на свободе. Но, как говорится, бог не Ерошка, всем понемножку. И если с зубами у этих девочек все было в полном порядке, то с остальными прелестями им как-то не очень повезло.

Сама Витка была маленькая миниатюрная брюнетка, статуэточка точеная, до старости щенок. А вот ее муж, он же бывший неформал, ни статью богатырской, ни красотой мужчинской в глаза особо не кидался. Витку он взял измором. Когда другие претенденты уже совсем потеряли надежду на доступ к ее, якобы, девственному телу, Пал Палыч резко активизировался. Каждый вечер он стоял в почетном карауле у дверей Виткиного дома, чем, видимо, и растопил ледяное сердце нашей красавицы.

Хороший брак получился, крепкий. И девчонки-погодки одна за другой... В детстве такие смешные... В юности такие потешные... А в затянувшемся девичестве – совсем уже чудные. До слез обхохочешься. Не пойми в кого здоровые, гру-

дастые, голенастые, обросшие какой-то дикой шерстью, одно слово – гренадеры нашего полка. Правой рукой поведут, мужики справа падают, левой – все остальные. Казалось бы, вот горе-беда, сиди дома, жуй сопли. Но бог, опять-таки, во всем прав. Чего у этих барышень не отнять, так это оптимизма.

Дружные, веселые, заводные, легкие и в общении, и на подъем. Полон дом гостей, друзей, подруг, товарищей, товарищей их товарищей и всяких иных, сочувствующих и примазавшихся. Что никоим образом не сказывалось на личной жизни этих четырех мушкетерих. Как гласит народный эпос: *«а кавалеров мне вполне хвата-а-ет, но нет любви хорошей у меня-я-я»*. Чего не было, того не было. Врать не стану.

А тут еще Чигавонина-младшая. Она же самая старшая среди всех невест. Миледи, блин. Епифановская порода. Клеймо негде ставить. Но тоже, натерпелась сиротина. Скоро четвертый десяток разменяет, а все еще не замужем.

Тетка потеряла руки: задача, в общем и целом, была ей ясна. Оставалось только доработать кое-какие мелкие детали и в путь, труба зовет. Хотя о каких таких деталях может идти речь, если сам процесс еще недостаточно изучен? Техническая сторона дела волновала тетку мало, все-таки последние лет пятнадцать за станком, то бишь монитором, сделали из нее настоящего профи-самоучку. Все текстовые редакторы были для нее не сложнее дважды-двух, да и к интернету она подключилась сразу же, как перешла на надомную рабо-

ту. Оставалось только провести кой-какой маркетинг, чтобы остановиться на одном из многочисленных сайтов знакомств и впредь не тратить время зря на мотанье в проруби.

Мелкие дочерние филиальчики она отмела сразу. «Знакомства на Кудычках», «Драйв на один день», «Тысяча и одна ночь» и «Хлопцы на все руки» – ее не заинтересовали. Одни были слишком элитарно малочисленные, от других несло откровенной порнухой. А нам нужно было что-то солидное, консервативное, традиционное с перспективой на серьезные отношения, плавно перетекающие в брак.

В конце своих недолгих поисков она остановилась на проекте «Румба», в рамках которого было задействовано самое большое количество пользователей. Огромный выбор – огромные возможности. Да и спрятаться, в крайнем случае, не составит особого труда. Пропусти пару-тройку деньков, и твой свеженький, буквально только что испеченный профайл скатывается на самые последние позиции. Ищи, как говорится, свищи Неуловимого Джо в бескрайних прериях дикого запада.

Кстати, тетка так и назвалась Джо-Анна. Почему-то именно это двойное и одновременно двусмысленное имя показалось ей самым многообещающим. Тем более, что перед ковбоем Джо у девочки Джоанны были свои, чисто женские преимущества. Голубоглазая блондинка возжелала познакомиться и тут же пропала из поля зрения. Интрига, правда?

Правда, да не совсем. Ради чистоты эксперимента тетка

зашла в женский каталог и чуть не выпала в осадок. Блондинок там было – пруд пруди. Так косяками и ходят. Не спи рыбак – проспишь путину. Только сеть забрось, и улов тебе гарантирован. На любые вкусы, возможности, кошельки. Стратегический запас, золотоволосый фонд, генетическое хранилище нации! И что интересно, все поголовно норовят любить и быть любимыми. Сколько же их бедолаг не востребуемых в нашей огромной, заселенной исключительно бабами стране? И все надеются и ждут. Все! От скромной провинциальной учительши с фотографией три на четыре, до тюнингованной секс-бомбы с профессиональным портфолио из двухсот полуголых страниц.

Если бы тетке в припадке климактерического удушья пришла в голову мысль добыть себе мужика, она бы точно не стала в эту очередь становиться. Но теперь было уже жалко бросать начатое. Опять-таки, перед Чигавониной надо было ответ держать. Не зря же та анкетирование проводила?

Но что же тетка может предложить в качестве эксклюзива? Как сумеет привлечь внимание противоположного пола, чем его обрадует, удивит? Ну и что, что глаза голубые? Ну и что, что талия пятьдесят семь сантиметров? Ну и что, что размер ноги тридцать шестой? Образование, опять-таки, выше высшего. Ну, воспитание. Отсутствие вредных привычек. Да таких, читай раньше, выше крыши! А у нас даже фотографии захудалой нет! Пройдут же мимо баловники, трудностей испугаются. Ведь, чем спрашивается мужик, если, скажем,

опустить желудок, любит? Глазами, дорогуша моя, глазами!

Но тетка и не ставила перед собой задачу сразу кого-то захомутать. Мы же только исследователи, первопроходцы, собиратели сетевого фольклора. Нам бы только материала побольше надыбать, в тонкостях разобраться, выводы сделать. А там уже на все готовое настоящую экспедицию запустить. Воздушный такой, невесомый десант, который с неба сойдет и всех перестреляет. Не по настоящему, конечно, понарошку.

А пока на войне, как на войне. Если на тебя не нападают ввиду отсутствия визуального интереса, то ты сама должна перейти в наступление. И хотя риск – благородное дело, неплохо бы все-таки опыта поднабраться. А для этого надо выйти на прямой контакт с противником, и уже на деле определиться с реальной расстановкой сил.

На тренировку и непосредственную подготовку операции тетка отвела себе две недели. И это время нельзя было назвать потраченным даром. К концу отведенного срока она уже считала себя настоящим профессионалом и даже подумывала, не использовать ли накопленный материал в качестве основы для написания книги. Что-нибудь лаконичное, вроде: «Сетевая сваха». Или мистическое: «Через интернет к ЗАГСу». И уж совсем что-нибудь уютное, домашнее, типа: «Здравствуйте, я ваша тетка». Но потом как-то перегорела и сконцентрировалась на формулировке основных инструкций, точное соблюдение которых являлось полной гаранти-

ей успеха.

Несколько основных правил из текста руководства приводится ниже.

Правило первое. Лучшие меньше, но чаще.

Пример. Тетка заметила, что чем реже она заходит на сайт, тем быстрее ее анкета сползает в самый низ и уже практически не участвует в поиске. Но тетке некогда было часами торчать в интернете, и тогда она придумала очень простой, но действенный способ всегда держаться на плаву. Она открывала свою страницу и шла заниматься другими, более важными делами. Ее анкета сама всплывала на поверхность, и к тому моменту, как тетка вспоминала о ней, лодочка уже под завязку была нагружена новым богатым уловом. Оставалось только рассортировать его и использовать по назначению.

Правило второе. Если тебе не ответил мужчина, то неизвестно, кому повезло.

Пример. Однажды тетка напала на одного хмыря, который упорно игнорировал ее приставания. Добиться от него ответа стало для тетки делом чести. На нем она решила испытать все возможные способы воздействия от пошлой, буквально ничем неприкрытой лести до откровенно грубого и небезопасного шантажа. А что нам, блин, анонимам бояться, если сам Неуловимый Джо нам покровительствует?

После долгой и ожесточенной осады форт «Бессловесный» был, кто бы сомневался, благополучно взят. Но где

найти те краски, с помощью которых можно описать разочарование, которое постигло несчастную мародершу после первого же контакта с долгожданным объектом ее вождлений.

– Титьки покажи! – потребовал объект, и тут уже наступила теткина очередь лишиться дара речи.

Правило третье. Красивым надо помогать, а страшные пробьются сами.

Пример. У тетки был только один случай, описанный выше, чтоб она обратилась, а ей отказали. Все остальные попытки были восприняты благожелательно. Ведь красивый мужик, как и красивая женщина, первый не нападает. Он сидит в живописной позе на виду и демонстративно ждет захвата. И если подползти к нему на вежливых мягких лапах, да еще и с подветренной неожиданной стороны, то, будьте уверены, все срастется. По крайней мере, на первых парах, на начальном уровне ничего незначущего диалога, замешанного на легком одностороннем флирте. Клиент быстро привыкает, расслабляется, втягивается и уже не может существовать без этого виртуального пип-шоу, в котором он отнюдь не зритель, а, напротив, сам – благодарный объект наблюдения. Заводит, однако. Да еще как!

Конечно, тетка была не настолько наивна, как это могло бы показаться из всего вышеизложенного. У нее и в мыслях не было, что ее драгоценная Оленька тут же ухватится за предоставленную возможность и будет с утра до вече-

ра торчать на «Румбе», с целью завлечь и воспользоваться. Но материнское сердце подсказывало тетке, что ее юная скалолазочка уже давно достигла того пика своих любовных отношений, после которого неизбежно наступает спад. И если набраться терпения и подождать, то можно стать свидетелем того, как все само по себе отсохнет. Но дожидаться милостей от природы тетка и не думала. На естественное завершение процесса могли уйти годы. А ее храбрый птенец уже сейчас находится в том безвоздушном пространстве, которое не может ни сказаться на ее слабом здоровье. Девочку надо спасать, тем более, что она и сама уже, кажется, этого хочет, и ей не хватает лишь одного легкого толчка, чтоб очнуться, а потом сгруппироваться и уже вполне самостоятельно понестись вниз с горы. И поэтому тетке ничего не оставалось делать, как взвалить на себя неблагодарные обязанности МЧС, чтобы на этом, довольно опасном промежутке пути Оленька ничего себе не покалечила.

Переходный период должен был плавным и незаметным. С таким легким юморком, с элементами невинной игры, вкраплениями личной заинтересованности и азарта. Только в этом случае можно быть уверенной в том, что все это многолетнее садистское действие закончится для них обеих малой кровью. Чего-чего, а кровушки Илья Петрович попил. Попил, кровосос, себе в удовольствие, не постеснялся. С самого начала их бурного романа с Оленькой, тетке было ясно, что Илья Петрович не испытывает к ее девочке и малой то-

лики тех чувств, которые она к нему питает.

Долгими одинокими вечерами тетка часто размышляла о природе этих взаимоотношений. Она пыталась объяснить себе причину их возникновения и оценить ту степень опасности, которая гарантирована всем без исключения добровольцам, вступившим на этот скользкий и унижительный путь.

Парней так много холостых, а ее девочка вляпалась в женатого, который ко всем остальным очень спорным качествам, был еще и старше ее почти вдвое. Понятно, что это не Оленька проявила инициативу. Понятно, что этот душевной козел сам напросился. Обманом завлек, наивностью воспользовался, оккупировал крохотное детское сердце и загордился. Гоголем, гоголем ходит! Педофил недоразвитый! Мало ему девчонка страдает, так у самого же еще и жена, и дети.

Что касается Оленьки, то тут, конечно, не обошлось без комплекса сиротства. Все-таки, то обстоятельство, что она не знала своего отца, не могло ни сказаться на формировании ее психики. Однополое воспитание еще никому не пошло на пользу. И тут возможны два варианта.

В первом случае мать, натерпевшись от какого-нибудь подонка, сама культивирует в дочери лютую ненависть ко всему мужскому человечеству, тем самым формируя в своей кровиночке отнюдь не женские качества. Вырастает такая пацанка, оторва редкая, перманентная муженетерпивица с легкими уклоном к нетрадиционным половым управле-

ниям.

Во втором случае девочка сама считает себя виноватой в том, что у нее нет отца. И тогда вся ее жизнь посвящается служению любому идолу в штанах во искупление своей детской вины, мнимость которой столь очевидна, что даже не требует доказательств. И это понятно кому угодно, кроме самой виновницы торжества. В каждом попадающемся на ее пути мужчине, юная особа видит своего несчастного папулю, недолюбленного ею в детстве по причине его уважительного отсутствия.

До всего этого тетка не самостоятельно дошла. Она была заботливой матерью и поэтому литературу умную почитывала. И поняла, что и по ней самой от души прошелся раскаленный утюг истеричной материнской любви, и она тоже, ввиду отсутствия второго родителя, загнулась в какую-то не совсем правильную сторону. А ее незабвенная Оленька пострадала вдвойне. Ведь ей и мать, между нами девочками, досталась неродная. Ну, теперь уже какая есть. Поздно кулаками махать, когда почти четверть века вместе.

Тетка ей: «Олюшка», а Оленька тетке: «Мамуленька». А тетка ей: «Олюшка». А та ей: «Мамуленька». Ничего не скажешь – высокие отношения, и кровь здесь совершенно не при чем. Тем более, что тетке каким-то совершенно невероятным образом удалось сокрыть от дочери, что она ей по крови не родная. В таких интересных случаях всегда найдется добрая душа, которая прижмет ребенка где-нибудь

в темном подъезде и поведает. Но вокруг были сплошь равнодушные люди, а может быть просто порядочные.

И Чмух, и Чигавонина, разумеется, были в курсе, но те только под пытками могли выдать. Ну еще соседи по коммуналке. Они тоже, естественно, знали, но по причине их быстрой смены им не удалось распространить эту новость в масштабах всего подъезда. Остальные любознательные сами выпали из поля зрения, так что хранить тайну было не от кого. А раскрывать ее за давностью лет вообще не представляло никакого интереса. Кому от этого станет лучше? Понятно, что больше вреда, чем пользы.

Вот так они и жили бы, не тужили, если бы ни эта сволочная любовь. Что стало последней каплей переполнившей чашу теткиного терпения? Так сразу и не припомнишь. Хотя, нет, был один подслушанный разговор, после которого тетка долго не могла прийти в себя. Все в ней перевернулось и загрохотало. Как это так! Мало того, что он использует ее девочку не по назначению, так еще ее глупая пташечка не испытывает, судя по всему, той взаимности, на которую она имеет полное право рассчитывать, став невинной жертвой престарелого эротомана.

Надо заметить, что престарелый эротоман был теткин ровесник. От постоянного обмусоливания именно этого факта на душе у тетки становилось еще гадливее. Этот ловко ползучий гад в свои неполные пятьдесят все еще женихается, а тетка, находившаяся в аналогичном возрасте, если и смо-

жет назваться невестой, то только в том случае, если в монастырь уйдет.

И она даже подумывала об этом. Может быть не сразу, и даже не навсегда, а как-нибудь так, пробно. На выходные дни. На праздники. Вот только тетка не знала, как это можно было практически осуществить.

А как было бы хорошо, освободится, наконец, от всей мирской суеты и заботиться только о своем собственном спасении. И ей даже советовали. Намедни. Одна продавщица. Вам, типа, женщина, о душе уже пора позаботиться. А не о стильном прикиде. А всех-то дел? Юбку тетка решила купить. Нужного размера, естественно, не нашлось. На ком еще вяло оторваться, как не на продавщице? Вот и получила по сусалам: о душе, тетка, думай, о душе!

А она о ней и печется. Только не о своей, а об Оленькиной. На чужом горе счастья не построишь, а грех на душу примешь. Хотя, это как посмотреть. Кто в этом бермудском треугольнике больше всех страдает? Конечно, Оленька! Значит, не она, а жена этого подонка строит свое счастье на ее, Оленькиной беде.

Вот, предположим, блудный муж возвращается в семью, из которой он, кстати, никуда и не уходил. Какой расклад мы имеем? Оленьке – плохо, мужу – невесело, жене, опять-таки, не позавидуешь. Короче, трое мертвецов и бутылка рома. А если, подлец уходит к Оленьке, то считай, двое уже гарантировано счастливы. А два к одному, куда лучше, чем трое

в лодке, не считая штормового предупреждения.

Если б, конечно, не дети.

Но и тут тетка интересовалась. Со знающими специалистами беседовала. И они ей хором поведали, что все не так просто, как видится на первый взгляд. Если мужчина не уходит из семьи, прикрываясь тем, что у него есть несовершеннолетние чада, значит, дело, на самом деле, не в них. Дети еще ни одного мужика не привязывали. Приспичит и свалит как миленький. Ни разу не оглянется. Тут что-то другое, более сложное. Более крепкое и неразрывное. Что-то такое, чему мужик и сам не может найти определения. Вроде и обрыдла сука, и смотреть тошно, и так достала, что убить готов. Убить-то он готов, а вот бросить – не в состоянии.

Так и живут. И, как правило, долго. До глубокой старости и до полного и безоговорочного истребления. Друг друга. Одна сатана, короче. И один из самых крепких и нерасторжимых браков. Неисповедимые пути. Мистика, блин. Неразбериха.

Но нам-то эти трудности на что? У нас своих девать некуда. Разорвать бы этот гордиев узел и на покой. В тишину, в благолепие. Так ведь нет! Все еще только начинается. Основное сражение впереди. Чу! Горнисты продирают горла, чтоб загорнить тревогу поутру. У, ты, как сформулировано! Чистой воды скороговорка. Горнисты продирают горла, чтоб Клару с Карлом на дворе, где трава, дрова и Грека раком.

Но это все так, лирические отступления. А на самом де-

ле, была ночь. Бессонница и приставучие думы. Тетка долго мучилась и не выдержала. Пошла на кухню снотворное принять, а стала случайным свидетелем телефонного разговора.

Видимо Оленьке тоже не спалось. Тонкая полоска света пробивалась из-под двери, и откуда-то издалека слышалась музыка. Тетка хотела, было войти, но не успела. Музыка оборвалась, и Оленька громко и раздраженно сказала кому-то: «Ты ничего не понимаешь!»

Так как в комнате кроме Оленьки никого быть не могло, нетрудно было догадаться, что она разговаривает по телефону.

– Ничего ты не понимаешь, Ирка! – настаивала Оленька. Это она с Чигавониной-младшей, смекнула тетка.

Разумеется, разве Ирка, чадо великовозрастное, может что-нибудь понимать? Тетке, вообще, была непонятна эта странная дружба между ее почти кандидаткой наук Оленькой и Иркой Чигавониной, которая с трудом осилила десятилетку. Какая тут может быть интеллектуальная или, более естественная, эмоциональная близость? Так, всего лишь легкое затмение. Кратковременное взаимопроникновение частот на самом низком, почти инстинктивном уровне. Что, впрочем, самой тетке нисколько не мешало дружить с Чигавониной-старшей, с которой ее разделяла, якобы, непроходимая пропасть. Но что тут поделаешь? Подруг детства не выбирают. И дочери только повторили их путь, подтверждая известную истину, что дружба – это та же любовь, толь-

ко без секса. А любовь, как известно, зла, и полюбить, можно даже козу. Тем более, если эта коза веселая, безобидная, многоопытная, да еще и живет в соседнем подъезде.

Но к чему эти ночные разговоры? Давно пора спать, сил набираться.

Тетка видела, как ее девочка вкалывает с утра до ночи. Сова и жаворонок в одном флаконе. Тетке так хотелось помочь своей девочке, но она не знала с какой стороны к ней поаккуратней подступиться. Последние дни с Ольгой происходило что-то неладное. То ли она волновалась перед защитой, то ли просто устала, то ли с Петровичем своим поссорилась – все могло случиться. Ходит, рыбонька, как в воду опущенная. А то закрывается в своей комнате и сидит там часами. Они и так видятся нечасто, а тут еще эта круговая оборона.

Если бы моя крошка была ко мне повнимательней, думала тетка, она бы заметила, что мне тоже нелегко. А если бы еще и соизволила перекинуться с мамулей парой слов, то я бы вообще оставила свои фантазии на тему «как бы чего не вышло». А так я вынуждена сама все додумывать, слоняясь день-деньской от окна к двери. Понятно, что мысли дурные в голову лезут. Смотрю на птиц, на людей внизу, на проезжающие автомобили, прислушиваюсь к каждому звуку за дверью, к каждому шороху. Вдруг моя девочка вспомнит обо мне и придет домой пораньше, обрадует мать. Приветит ее, поговорит с ней, успокоит – нам так немного надо, чтобы весь день стал длиннее на пару счастливых часов.

– Ирка! Ты ничего ты не понимаешь! – закричала Оленька и, спохватившись, заговорила тише, – Не хочу я за него замуж. Я уже ничего не хочу. Хотя нет, хочу... Вот если можно было бы получить маленькую пенсию по молодости и поселиться за городом. И чтобы ни одной сволочи рядом. Никаких брюк, бритв и зубных щеток. Только моя шариковая ручка и горы чистой белой бумаги. Чтобы иногда, раз в неделю, если соскучишься, можно и чаще, ты бы приезжала ко мне из города с новостями. Мы бы сидели с тобой на веранде, пили чай с медом и баранками, я бы читала тебе свои стихи, а ты бы слушала и молчала. Слушать стихи как ты, больше никто не умеет. Ирка, представь, какой кайф! Понимаешь?

Оленька замолчала, видимо слушала Иркину ответную реплику.

Глупая моя девочка, подумала тетка, глупая и наивная. А еще добрая. Вот как ее в жизнь отпустить, в самостоятельное плаванье? Сметет ведь с палубы первой же подонской волной к чертовой матери...

Тетка прислонилась плечом к косяку и замерла. Но какая же я все-таки счастливая. Не каждому такая радость выпадает. Доченька!

Тетка вспомнила, каким милым ребенком Оленька была в детстве. С самого утра ее птичка уже была в хорошем настроении. Просыпалась, подбегала к окну, открывала его настежь и здоровалась со всем белым светом:

– Доброе утро всем хорошим людям, доброе утро всем

плохим людям, доброе утро мне, любимой!

Я понимаю, желать доброго утра добрым людям, а плохим-то за что?

Вот, например, сосед из тридцать девятой квартиры. Кинолог долбаный. Каждое утро он выводит гулять своего Сенечку на прогулку. Сенечка – это йоркширский терьер, порода такая. Сам маленький, весь трясется, на макушке бантик красненький, а на шее золотая цепь. Когда его хозяин из бандита переделался в бизнесмена, он свой ошейник дал Сене поносить. А тому хоть бы что. Цепь полтора килограмма весит и Сеня столько же. Идет бычок качается, а не падает.

Но дело не в цепи, а в том, что этот Сеня каждое утро, не успевая дойти до улицы, писает в подъезде прямо у лифта. Сеня писает, а Оленька переживает. Сеня писает, а она нервничает... Мания у нее какая-то на чистоту. Не выносит грязи совсем. Ни дома, ни в подъезде, ни в людях.

Тетке порой казалось, что Оленька и улицу бы убирала, подметала бы там что-нибудь, лед скалывала, листья жгла. Хотя, про листья сомневаюсь. Она их жалеет и делает из них закладки для книг. Открываешь книгу, а оттуда такой кленовый лопух вываливается. Красиво.

Но, к счастью, в сороковой квартире дворники живут. Куда от этих лимитчиков денешься? Двухкомнатная квартира, две семьи из Украины. Первое время там были сплошные скандалы. Оксана ругалась с Ксюшей из-за Петра, по-

том Ксюша ругалась с Оксаной из-за Ивана. Потом они как-то попритерлись, попритихли, и стали жить не то по-коммунарски, не то по-шведски.

За несколько лет непрерывных ночных бдений тетка на слух научилась отличать Оленькины легкие шажочки от тяжелой поступи других жителей, населяющих их лестничную площадку. Ей удалось даже изучить их поведение и повадки, а также выявить присущий каждому стиль.

Вот и сейчас еле слышно крадется сосед из тридцать восьмой квартиры. Он живет один и, похоже, нигде не работает. Такой свободный художник, а еще ловелас и подхалим. Иногда к нему приходят женщины, почти всегда разные. Редко приходит его товарищ и тоже с разными молодыми феями.

Все, чего нельзя было услышать, тетка могла увидеть в дивный широкоформатный глазок, на приобретение которого она не пожалела денег, когда избавилась, наконец, от всех своих коммунальных подселенцев.

Чу! Сеня цепью прозвенел.

Дворники прогрохотали. Что-то они сегодня поздно. Хотя, нет. Скорее рано.

Тетка почувствовала, как у нее окоченели ноги. Надо идти спать, снотворное стало действовать. Ну еще бы хоть что-нибудь услышать, чтоб совсем от сердца отлегло. Бедная моя девочка, тихая и задумчивая.

Вот научилась курить. И попробуй – запрети, если сама столько лет пример подавала. Вот и Оленька курит. И пьет.

Хорошо, что только кофе. Раньше она варила его исключительно по утрам, а сейчас придет из университета и сразу за кофе, за сигарету и за стол.

Все пишет там чего-то и пишет. На тетку никакого внимания. Не обнимет ее, не поцелует, как будто она не существует вообще, в принципе.

Потом вдруг порвет все и заплачет. Тетка к ней и так, и эдак. То ручку ее тонкую погладит, то потрется головой о ее плечо, а она как неживая. Сидит, молчит. Или лежит. Смотрит в потолок.

И вчера они снова с Ирккой разговаривали. Часа два, не меньше. Тетка, разумеется, подслушивала. Но музыка играла громко, и поэтому сначала ничего интересного пронюхать не удалось. Но потом теткина настырность была вознаграждена. Ритм разговора изменился, стал плавным, монотонным и нараспев. Тетка поняла, что это Оленька читает Ирке стихи. Голос глухой, низкий, дыхание прерывистое и редкое, слова непонятные и будто бы чужие. И все как музыка, щекотно в носу и страшно.

Потом Оленька молчала долго. Ирка ей в трубку что-то орала, а она только качала головой и улыбалась.

А потом сама как заорет:

– Да никому не нужна эта любовь! Он говорит мне, проще надо жить, представляешь? Проще! А как это? Я не понимаю. Типа, потрахались и разбежались? Здравствуй, Мура, Новый год? А в промежутках, что делать? Биться головой

о стену? Если нет смысла жить без него. Совсем нет смысла никакого. Понимаешь? А говорить с ним об этом бесполезно. Он не врубится даже. Он же никогда никого не любил. Кроме себя. Даже и не пробовал. Инвалид хренов и родился таким. Бывает, люди без ноги рождаются, без руки. А он без любви. И она у него никогда не вырастет. Потому что место пустое, холодное. Каждый раз говорю себе, – все, в последний раз, брошу его, брошу, как собаку. Лучше голодать, чем с кем попало спать. А чем лучше? Разве можно обижаться на человека за то, что он не любит? Разве можно перестать любить его за это? Тем более, что он неплохо ко мне относится. По-своему добр, заботлив. Цветы до того как, кофе после того как. И, как положено, в постель и в чашечке. Занятия любовью по вторникам и четвергам. Это он так говорит: «А не подзаняться ли нам любовью?». «Подзаняться любовью» – представляешь? Словосочетание-то какое издевательское, нечеловеческое. Как ей можно заниматься? Ею можно только жить! Или не жить без нее вообще. Лучше не жить. Потому что встретиться глазами не с кем. Утром в метро никто никого не видит, умри – никто не заметит. Толпа, сплошная толпа. Все на эскалатор, а он как конвейер, а на нем головы, головы, головы и все без глаз. Никто никого не чувствует, не понимает. И я одна, всегда одна, страшно одной среди них, понимаешь? Страшно и бессмысленно. А когда появился Илья, появился смысл. Без него я жила автоматически, потому что надо. А сейчас я живу потому, что

хочется. Просыпаться хочется, курить хочется жадно. Спать с ним хочется. Просто так вместе спать, свернувшись в ракушку, и чтоб он сзади свернулся вокруг меня и обнял крепко-крепко. И просто спать, спать, спать и проснуться вместе. Понимаешь?

Не знаю, что там поняла Ирка. Но у тетки глаза по-новому открылись. И если бы она умела плакать, она бы заплакала этими новыми глазами. От обиды и бессилья.

А наутро Оленька, как ни в чем не бывало, убежала в университет, а тетка осталась дома думать свои тревожные думы. К вечеру она была уже окончательно готова к последнему решающему разговору с дочерью, но Оленька, как назло, запаздывала.

Тетка ждала свою девочку, сидя на банкетке в прихожей. Было холодно и дуло от двери. А она все сидела и прислушивалась: не гроыхнет ли лифт, не заскрипит ли дверь, не застучат ли Оленькины тонкие каблучки.

Могла бы позвонить, подумала тетка, но телефон упорно молчал.

Отгрохотали дворники. Прощелестел свободный художник. Сеня обоссал угол лифта. Тетке показалось, что она через две двери чувствовала запах его мочи. Он словно впитался в атмосферу их подъезда, повис оранжевым облаком над потолком и грозился пролиться на головы обитателей веселым весенним дождичком.

Тетке подумалось, как было бы хорошо натравить на Се-

ню Матвея, чтобы кот вцепился в визгливую Сенину морду и располосовал ее на длинные волосатые лоскуты. Матвей, словно догадавшись о теткиных злопыхательных намереньях, подошел к двери и стал точить когти о коричневый дерматин. Тетка хотела было пнуть кота под зад, но он увернулся и, отойдя от тетки на безопасное расстояние, громко и победоносно завыл. И завыл как-то необыкновенно, интригующе. Не по кошачьи, а скорее, по по-собачьи или даже по-волчьи. Тетка заслушалась, так это было красиво и талантливо. Видимо Матвей первый забоялся, что Оленька не придет. Не поцелует его в усы, не возьмет на руки, не нальет молока, не даст «Вискаса», не почешет за ухом, сволочью любимой не назовет – а как без всего этого жить?

И тетке уже самой начинало казаться, что Оленька никогда не вернется. Пройдет зима, весна, лето и ее любимая осень. Сгорят листья в кострах дворников, постареют и обзаведутся внуками женщины художника. Сению раздавит, наконец, не боящийся грязи танк. И тетка будет скучать по нему и проливать злорадные слезы, пока сама не погибнет смертью брошенных.

Но на рассвете Оленька объявилась, и была радостна и где-то даже счастлива. И тетке не захотелось своими нудными нравоучениями портить ее приподнятое настроение. Вечером поговорим, обсудим, решим, выработаем план на будущее.

Но вечером Оленька опять заперлась в своей комнате,

и тетка снова подслушивала, и эти странные размышления по поводу жизни на природе испугали ее еще больше откровений по поводу холодности ползучего гада.

И вот настало утро сегодняшнего дня. И наша свеженькая, отдохнувшая и порозовевшая после сна горlinkа открыла престарелой матери свои широкие объятия:

– Мамуленька.

– Олюшка!

– Мамуленька

– Олюшка!

– Мамуленька!

– Как ты спала, моя дорогая?

– Спасибо, мамуленька, а ты?

Тетка с умилением наблюдала, с каким аппетитом ее крошка завтракает: омлетик, бутербродик, кофе с молочком. Что это с нами, с такими хорошими девочками сегодня произошло? Откуда такой жор неестественный? Уж не беременны ли мы случаем?

Подумала и сама испугалась. Типун тебе на язык, дурища старая. Подскочила, замахала руками и тут же выдала:

– Оля, тебе пора замуж.

Оленька поперхнулась от неожиданности и даже не нашла, что ответить.

– Ну ты так сразу не пугайся, – успокоила ее тетка, – ты лучше ешь, а я буду говорить.

Она закурила и, подойдя к окну, открыла форточку.

– Оля, ты взрослая и вполне самостоятельная женщина, – торжественно начала тетка, – будущая, так сказать, мать.

На слове «мать», тетка закашлялась.

– Мам! – воспользовалась паузой Оленька, – что-то случилось?

– Случилось, Олюшка, – глухо сказала тетка, – случилось. Но не сегодня и даже не вчера. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Ма, ну это старая песня, сколько уже можно?

– Сколько нужно, дорогая.

– Я не стану обсуждать с тобой эту тему, – твердо сказала Олюшка. – И вообще, я опаздываю в университет.

– Никуда он от тебя не денется! – заорала тетка, – сядь и слушай!

Оленька обречено опустилась на стул и спрятала за спиной руки, демонстрируя всем своим видом полную готовность к пыткам.

– Ты – будущая мать, – тетка почему-то зациклилась именно на этом предназначении дочери, – и должна меня понять. Как женщина женщину.

Тетка снова остановилась, не зная, как перекинуть мостик от светлого будущего к сегодняшнему серому, как ей казалось, настоящему. Оленька сидела молча, и ее показная покорность неожиданно подхлестнула гаснущее теткино красноречие:

– То, что он никогда на тебе не женится, надеюсь, не яв-

ляется для тебя новостью? Даже если бы это и случилось, ничего хорошего все равно бы не вышло. От комплекса вины даже не он, а ты, Олюшка, вряд ли сможешь избавиться. Только представь себе на минутку: дети – жалкие сироты, жена – брошенная злопыхательница, он сам – мятущаяся в проруби натура... И ты – невинная жертва, которой за все это безобразие придется отвечать одной. Но я, надеюсь, ты не такая дура, чтобы взвалить на себя сей тяжкий груз. Подумай сама, не пора ли уже закончить эти двусмысленные отношения, никому еще не принесшие радости. Ты – молодая, цветущая женщина, а он – старый душной козел. И это животное, этот гад ползучий клещом к тебе прицепился, чтобы на твоих хрупких девичьих плечах прорваться в свою давно утраченную молодость. А я не позволю ему поломать твою жизнь! Жизнь самого дорогого и близкого мне человека!

Тетка остановилась и посмотрела на дочь. Оленька кусала ногти и молчала. Вот опять я как будто речь с трибуны толкаю, подумала тетка. Надо же как-то проще, душевней что ли? Чай не вагоны разгружаю, а деликатный разговор веду.

Тетка разозлилась на себя, а заорала на дочь:

– И оставь в покое ногти! Когда ты, наконец, отучишься от своих детских привычек!

– Когда рак на горе свистнет, – тихо сказала Оленька, – а ты продолжай, продолжай. Я тебя очень внимательно слушаю.

Тетка перевела дыхание и выпалила:

– Я зарегистрировалась на сайте знакомств.

– Ой, я сейчас описаюсь! – захохотала Оленька, – на сайте знакомств она зарегистрировалась... Не смеши меня, мама, мне щекотно...

– Уймись уже, наконец! – разозлилась тетка, – тебя лично никто туда силком не тащит. Я сама туда пойду и найду тебе приличного молодого человека. Войду с ним в переписку, доведу до первого свидания, а там ты решишь, надо тебе это или нет.

– В переписку она войдет! – покатывалась Оленька, – что ты, извини меня, пожилая женщина, можешь предложить молодому, как ты настаиваешь, человеку?

– Тоже, что и ты, дорогая моя! – тетка снова схватилась за сигареты, – по крайней мере, в пределах эпистолярного жанра.

– Мамуленька, ты не понимаешь... Мы другое поколение, и ты проколешься с первой же фразы. С первого слова, буквы, междометия.

– Ничего-ничего, – не сдавалась тетка, – есть у нас еще порох в пороховницах и за междометием, как ты говоришь, я в карман не полезу.

– Нет, ты не понимаешь! – Оленька покраснела от волнения и с трудом подыскивала слова, – ты поставишь себя в глупейшее положение, а потом сама будешь переживать!

– Вот за это ты не волнуйся! – заорала тетка, – я уже так

напереживалась, что такие несущественные мелочи никоим образом не смогут повлиять на мое закаленное терпение!

– Ты только подумай, во что ты ввязываешься! – горячилась Оленька, – и меня опозоришь и себя!

И тут до нее дошло:

– Ты что и фотографию мою там разместила?

– Кстати, о фотографии, – тетка резко сменила тон, – надо бы, Оленька, фотографию. А то со мной, вернее, с тобой, моя дорогая, никто не захочет общаться...

– Фигу тебе! – восторжествовала Оленька, – фигу тебе с маслом!

Оленька выскочила из-за стола и пулей вылетела из кухни.

Вот и поговорили, подумала тетка. Вот и хорошо. Ничего-ничего. Не мытьем, так катаньем. Ты еще сама ко мне прибежишь: мамуленька, мамуленька... Ты еще примчишься, когда совсем не вмоготу будет. Но мы не гордые, мы до таких страстей доводить не будем, мы все предвидим и предотвратим. Мы теперь многоопытные, разноплановые, ожегшиеся на молоке. Мы сами с усами. Что-нибудь придумаем. Внедрим. Ускорим. Усовершенствуем.

Тетка услышала, как за Оленькой захлопнулась входная дверь. Беги, моя хорошая, беги. Будет тебе «щастя». Мамуленька твоя позаботится. А то, видишь ли, мы поколение другое. Посмотрела бы на себя старуха позорная. Сидит в четырех стенах, ничего не видит, не слышит, не понимает. Университет – дом, дом – университет, а по вторникам

и четвергам всегда в эфире сокол наш ясный Илья Петрович. Так бы ему глазоньки его невинные и выцарапала. Паразит неугомонный, стахановец-многостаночник. А моя-то дурочка: «Илюшенька-Илюшенька». А он ей: «А не подзаянться ли нам любовью!» А она ему: «Я ваша навеки!» А он ей кофе в постель. А она ему...

Боже ж ты мой... Что они все к этому кофе привязались. Тоже мне подвиг. Кофе в постель. Цветы в целлофане. Сок в водку и взболтать. Как же это все легко дается. Как высоко ценится. Дорогая моя, плюнь и разотри. Уйди и не оглядывайся. Если он все еще там, а ты все еще здесь, значит, и впредь вы не будете вместе. Сама же говоришь, что у него рыбе сердце и не тебе его разогревать, не тебе его реанимировать, не тебе заставлять его биться в унисон с твоим, сумасшедшим сердцем, сердчищем, сердчищем, которое уже не в состоянии нести эту ношу за двоих. Беги, улепетьвай, спасайся! Стань той мудрой прозорливой крысой, которая первая покинет корабль, чье пузо пока еще благополучно проскальзывает между скалами и коралловыми рифами. Но когда всех посвистают наверх, поздно будет веслами махать. Океанские айсберги скрывают под темной водой не только свои печали, но и жертвы своих преступлений. Не стань одной из многих. Подумай о себе. Холодно подумай, расчетливо, терпеливо. Трудно, я все понимаю. Сошелся белый свет клином на твоём Илюшеньке, но не смотри ты в этот угол, в бездну эту черную, непроглядную. От края

отползи, развернись, отринь. Расправь легкие, переведи дыхание, закричи освобождено в рупор: Да пошел ты на-а-а! Небо за звездочкой.

Трудно будет только в самом начале. А потом похлопаешь лопаткой по земельке, цветочки квелые польешь и дощечку расписную вставишь: Здесь покоится Илья Петрович, дорогой мой человек. Который не любил, а потому и не женился, потому что сволочью был. Но о покойниках или хорошо, или ничего. А хорошего-то я и не припомню. А так как он живет, и где-то даже здравствует, значит, все равно – сволочь. Редкая.

Вообще, тетка думала, что она будет хорошей тещей и теща полюбит как родного. А теперь засомневалась. Придет чужой человек в семью, и разрушит ее как медведь улей. У них же с Оленькой семья! Причем, полная, полноценная, самодостаточная. Семья, в которой еще и отец есть, он же чей-то муж – это уже слишком! Чрезмерно, я бы сказала. На фига нам такой балласт? Пои его, корми, обувай, одевай, спать укладывай. Чтобы был что ли? Для приличия? Да мы как-нибудь обойдемся. Перетопчемся. Переживем такую утрату, недостачу, дефицит. И я без отца выросла, и Оленька, слава богу. И нормально вроде все, не хуже, чем у людей.

Не хуже, тетка, ты уверена? Вдоволь ли тебе было ласки, внимания, заботы? Всего этого вроде бы вдоволь. Жаловаться не на что. Вот только...

Вот только теткина мать годилась ей в бабушки. Сорок

лет было старушке, когда она тетку родила. А когда доченьке пятнадцать стукнуло, ее матушка на пенсию пошла. А что может быть общего между пионеркой и пенсионеркой? Правильно. Жилая площадь. Все та же комнатка в коммуналке, где от любви до ненависти один шаг.

Понятно, что в доме вкусно пахло пирогами. Вязались толстые колючие носки. Шились длинные балахонистые платья. Велись долгие и нудные разговоры о том, что нельзя дарить поцелуя без любви, что честь девичью беречь надо смолоду, что все мужики козлы пархатые и хотят только одного, сама знаешь чего. А если всем давать, ни с чем останешься. Поэтому на танцы не пойдешь! В кино – обойдешься! Погулять еще успеешь! Лучше книжку почитай, умнее станешь. И добрая отзывчивая Танечка слушалась мамочку. Мамочка была большая, ей, следовательно, видней.

Но как-то раз Танюша не выдержала, сорвалась. А потом еще один раз и еще. Мать хваталась за сердце и кричала, что я тебя не для того рожала, чтоб ты меня живой в могилу засунула. А Танюша вошла во вкус и только посмеивалась. Закрутилась, завертелась, завелась. Назло мамочке-ключнице-домушнице, сторожихе цепной, злобной. Поперек непониманию ее дремучему, невъезжанию, тупизму. А потом, опять-таки, Сашка Епифанов. А параллельно с ним трагический Черный тюльпан. Любовь, морковь и вдохновенье. А мать ей: в наше время, в наше время. Ах, мое сердце, ах, моя поджелудочная железа! А Танюша врубает на всю мощ-

ность «Doors» и тащится. Епифанов-то у нас еще и фарцой подрабатывал. Наташит Таньке пластов, чтоб спрятала по-дальше, а она их на совковой «Серенаде» запиливает. Сашка услышит, тоже орать начинает. А потом успокаивается. Все равно по полтиннику как с куста уйдут. Да и не пластинки, а джинсы основное подспорье. И Танькина голубая мечта. Две с половиной мамкиных пенсии. Епифанов мог бы, конечно, с барышей подружке на обновку разориться. Но куда там! Жадный был чувак, снега зимой не допросишься.

А Танька гордая. Уборщицей устроилась в своей собственной школе. Сразу двух зайцев убила: и общественности вызов, и возможность заработать реальные деньги. Прознавшие разделилась на два противоборствующих лагеря. Одни горой стояли за Таньку – молодец, самостоятельная, другие были категорически против: чужое говно возить, большого ума не надо. А вот мать обрадовалась, люди добрые, помощница растет! Но Танька ее резко осадилась. Деньги зарабатываю строго на штаны, без них мне жизни нет. Мать снова не поняла, обиделась.

Через полгода праведных трудов Танька влезла все-таки в свои честно заработанные джинсы. Новые, гремящие, колом стоящие, самые настоящие «Lee». Это сейчас не джинсы, а непонятно что. А раньше поставишь их в угол, до утра не пошевелиятся! И даже задница в них совсем не такой громадной кажется, а очень даже аппетитной. Умеют гады делать, капиталисты загнивающие.

С этой американской обновки Танькина жизнь вообще превратилась в сплошной праздник. Такая продвинутая чухиха – украшение любой компании. И характер у нее легкий, и походка смешная, а главное – джинсы крутые, а не какая-нибудь «made in China».

А мать ей: «Танюшка, давление у меня, сердце барахлит, побудь со мной, не уходи!» Ну не врубается старуха, что легко железо куется только по молодости. Не состыковываемся мы, мамуль, с тобой, в разные стороны глядим. Рада бы тебе помочь, да нечем. Ты же сама меня понять не торопишься, а думаешь, легко одной прорываться?

Конечно, не совсем одной. Подруги дорогие за правую и левую руку держатся. Но подруги – не друзья, подруги – всегда соперницы. Все, да не все им расскажешь, как порой и ни хотелось бы.

Вот, думала тетка, выйду замуж, рожу себе дочку и стану ей самой верной подругой. Буду холить ее и лелеять, а главное, жить ее интересами, чтоб не одиноко ей было на этой земле.

Так оно почти и вышло, появилась девочка. Любопытная, любознательная, живая. Тетка нарадоваться не могла. Есть кому книжки умные читать. С кем по музеям ходить, театрам, консерваториям. В тиши больших библиотек шелестеть в унисон страничками. А потом говорить, говорить, говорить с самого утра и до полной одури. Короче, воздухом одним дышать, а заодно и им питаться.

Но и тут годам к тринадцати крошка воспротивилась. А на фига мне все это надо? Для каких таких целей-опытов? Проще, надо мама быть, и люди к тебе потянутся. Но мудрая тетка к такому обороту событий тоже была готова. Да бог с ним, с Гарри Гродбергом и «Виртуозами всея Руси». Хочешь сходить на дяденьку с бородкой в косичку, мечтающего перейти реку вброд? Нет проблем! А на мальчика, который поет про Зурбаган? Пожалуйста! Или, хочешь, что-нибудь совсем простое? «Упала шляпа, упала на пол, и эту шляпу ветром унесло».

Врага, думала тетка, надо знать в лицо, а потом приглядеться и сделать из него друга. Если враг, конечно, подходящий подберется. А вот мальчишки-банананчики сами на душу ее девочке не легли. Тогда, кажется, она и стишок свой первый написала. Смешной такой – породия на все те песенки, что по телику крутили. В школьной стенгазете одобрили, но почему-то не взяли. А мамочка сохранила и помнит наизусть. *«А на небе тучи, тучи, тучи, льется дождь ко мне на тыкву прямо. Это что! Вот дальше будет круче, эй, урод, почисть мне два банана! Делай меня точно, мама, ровным, обрубай извилины лопатой. Ты, прикинь, да чтоб я был здоровым, молодым, простым, придурковатым. Попопсей придумаю я песню, молодым помру от героина, руки вверх и все такое вместе, и намажем рожки гуталином. Я беремен, потому и счастлив, и воще, люблю баскетболистов, из двух пуль я сделал фигу с маслом, образцовым стал*

я пацифистом. Тут ворона мимо утекала, с ма-марихуаной в мокром клюве, мне хотелось, и слюна стекала, куклу Машу с другом мы надули. Поможите, люди, в самом деле! У меня свело мозги и ногу, харамамбуру я еле-еле, ну а дальше я уже не могу».

Вот такая необыкновенная девочка получилась. С собственным оригинальным взглядом на окружающую действительность. А все потому, что ничего этой выдумщице не запрещалось, зато все тщательно проверялось на отсутствие мин. И при внимательном изучении оказалось, что все эти современные книги, фильмы, музыка, мода не такие уж и страшные, а главное – безвредные. Хотя и у этих новых, ярких, свежих на вкус знаний была своя обратная сторона. Разгадать их, понять и обрадоваться значило лишь одно – полюбить.

Эврика! А ведь в этом что-то есть! Попалась ты тетка. Вставила свою слоновою ножку в заранее приготовленный капкан. Не прошли труды праведные бесследно. Вдохнула молодого чужеродного воздуха и отравилась. Подсела. Приняла. И где-то даже обогатилось той культурой, которую в ее высоколобой среде брезгливо называют массовой.

Таким образом, к своим неполным пятидесяти годам тетка на слух отличала «Пятницу» от «Океана Ельзи», на взгляд Паланика от Кастанеды, на вкус «Маргариту» от «Отвертки» и на запах «Мальборо» от марихуаны. Да-да-да, она еще и по клубам прошла с инспекторской проверкой. Чего

не сделаешь ради. Так что поддержать беседу в стиле радио «Максимум» для тетки не составляло большого труда, чем она с успехом и пользовалась, совершая ознакомительный вояж по бескрайним просторам всемирной паутины.

Теперь только одна загвоздочка. Какую фотографию нам приспособить на Оленькин профайл? Вполне понятно, что о первоисточнике не может быть и речи. Если Оленька узнает – из дома, в чем была, уйдет. Проклянет мать родную, не задумается. Но мы не свернем с избранного пути, не оглянемся на серое прошлое, впереди у нас небо в алмазах. В крайнем случае, в хрустале Сваровски. Да и в стразах не побрезгуем.

Итак, откроем дружно глянец, потратим наше драгоценное время, прошерстим. Спасибо Ирке Чигавониной – не забывает, снабжает нас недоразвитых макулатурой. И кто это у нас тут такие красивые? Подрезанные, подкаченные, ин-планированные? А это наши куколочки из ящика. Оторвались девчухи, губенки поразвесили, волосики понаклеивали, попки подтянули. Где ж нам среди вас красоту-то натуральную найти? Пусть с червоточинкой, пусть с бочком неровным, легкой асимметрией? Что-то вроде Барбры Стрейзанд, которая носик свой чудовищный никому не отдала на порубанье. Хотя причем тут она? Наша Оленька – красавца, типичный американский стандарт, только в миниатюре. Шарлис Терон в юности пополам с Шерон Стоун в детстве. Вот, собственно, от каких печек мы будем отталкивать-

ся.

Тетка отбросила журнал и села за компьютер. Сейчас мы обязательно что-нибудь подберем. Но быстро только сказка сказывается, дело делается гораздо медленней. Почти день тетка провела в интернете, но только ближе к вечеру ее труды увенчались успехом. И каким! Грандиозным! Вот она моя милая. Тетка послунявила палец и стерла пыльную мушку со щеки своего сокровища. Губы девочки едва заметно дрогнули, словно она поблагодарила свою заботливую матушку за оказанную ей услугу. Как же похожа, боже ты мой, поразились тетка. Тот же овал лица, те же высокие скулы, светлые локоны, голубые глаза. И все эта красота небесная – словно сквозь дымку, сквозь дождь, сквозь туман. Оленька или не Оленька? Или, все-таки, она? Или моделька неизвестная, не раскрученная? Или опять Оленька?

Различия, конечно, были. Как им не быть? Другая девочка, неродная. Но сходство слишком очевидно. Да и картинка вроде и любительская, и профессиональная одновременно. Специалистам этот прием вряд ли покажется новаторским, но нам, чайникам не обкатанным, и так сойдет.

Тетка радостно скачала чужое фото и запрятала Оленькин теперь уже новый образ в свой тайный архив. На сегодняшний день теткина миссия была благополучно завершена, и можно было позволить себе немного расслабиться.

Но только она собралась порелаксировать в свое удовольствие за чашечкой кофе с глоточком коньяка, как звонок

в дверь.

Чигавонина собственной персоной. По Надькиному перевернутому лицу тетка сразу поняла, что случилось нечто экстраординарное.

Надька, не разуваясь, прошла на кухню и молча села за стол. Тетка тоже молча подвинула к ней сигареты и пепельницу.

– У тебя водка есть? – спросила Чигавонина.

Тетка достала из холодильника початую бутылку, а заодно сыр, колбасу и банку маринованных огурцов. Пока она собирала на стол, Надька тщетно пыталась закурить.

– Давай уже! – тетка выхватила из ее трясущихся пальцев зажигалку, и сама добыла огонь.

– Епифанов нашелся, – выдохнула Надька с первой затяжкой.

Тетка села, где стояла.

– Живой? – почему-то спросила она.

– Живой, – ответила Надька, не удивившись странной постановке вопроса, – что ему делается?

– Ты его видела?

– Вот как тебя.

– Ну и что?

– А ничего, – вздохнула Надька, немного подумав, – сохранился.

Тетка, было, поднеся к губам рюмку, снова поставила ее на стол. Надькино нездоровое беспокойство неожиданно пе-

редалось и ей.

– А он тебя узнал?

– Откуда? – удивилась Надька, – он-то меня не видел,

– Как это? – не поняла тетка, – ты что, к нему даже не подошла?

– Подойти-то я, подошла, – усмехнулась Чигавонина, – причем, довольно близко. Но он меня так и не узнал.

– А ты не могла обознаться? – допытывалась тетка.

– Я что, отца своего ребенка не узнаю?

– Мало ли... Столько лет прошло.

– Хочешь, – встрепенулась Надька, – я сейчас тебе его покажу?

Тетка посмотрела на нее с недоумением. Вроде еще и не выпили как следует...

– Это все из-за тебя! – Чигавонина вдавила сигарету в пепельницу, – Найдите, блин, на «Румбе» своих друзей! И подруг, и товарищей по несчастью, и бывших мужей и любовников, а также беглых алиментщиков!

– Ты что, – догадалась тетка, – его на сайте знакомств обнаружила?

– Ну, наконец-то, – усмехнулась Надька, – дошло. Представляешь, Танюх, и этот туда же, желает познакомиться.

Тетка так и застыла: рюмка в одной руке, огурец – в другой.

Надька пощелкала у нее перед глазами пальцами:

– Включай мозги-то! Надо же что-то делать.

Скальпель, то есть, логин! Зажим, то есть пароль! Тетка молотила по клавиатуре со скоростью заправского хакера. И буквально через пару минут на экране высветилась Сашкина до слез знакомая физиономия.

Надька не соврала. Годы Епифанова явно пощадили. Как, впрочем, это обычно и бывает, когда дело касается мужчин. Эти гады-годы к ним более милостивы, чем к нам, бабам. Ветерком пройдутся, дождичком прольют, солнышком просушат – и ничего, почти как новенький. А может, даже и лучше. Уверенность появилась, осанистость, лоск. Только вот борода непривычная. И усы. А взгляд все тот же, сладко-обволакивающий.

– Вот он, – всхлипнула Надька, – жених!

– Не реви! – сказала тетка, – разберемся!

– Ты лучше почитай, что он о себе пишет! Писун, блин.

Тетка открыла Епифановское досье и углубилась в чтение.

«Честен, прямолинеен, груб. Активен, агрессивен, вероломен. Нахален, страстен, рьян. Заботлив, нежен, обходителен. Застенчив, печален, угрюм. Циничен, артистичен, приставуч. Послан, брошен, забыт. Свободен, настырен, нагл. И все это в зависимости от направления ветра, времени года и часа суток. Короче, со мной, подружка, не соскучишься. В женщинах ценю чувство юмора и трехзначный, как минимум, „IQ“. Отсутствие последнего легко переживаю и довольствуюсь тем, что есть. Свободно изъясняюсь на трех языках, один из которых „феня“. Легко перехожу от витие-

вато-образных выражений на короткие междометия и горловое урчание. Остро чувствую фальшь в любых ее проявлениях, не терплю снобизм, пессимизм и трендизм. Пеку блины, жарю картошку, а к мясу, вообще, никого не подпускаю. Люблю кормить, поить и любоваться. В хороших руках отогреваюсь и сам излучаю тепло. И только попробуй мне подмигнуть! На все остальные знаки внимания отвечу с благодарностью».

– Недурно, – удивилась тетка, – кто бы мог подумать.

– Да уж! – согласилась Чигавонина, – раньше он только одним местом хорошо соображал.

Надькино лицо неожиданно скривилось и покраснело. Из глаз полились частые мелкозернистые слезы.

– Не реви! – тетка вынула из кармана платок и протянула Надьке, – хочешь, я тебе его отсюда достану?

Надька хлопала носом, комкая в руках бесполезный платок.

– Чего молчишь? – не выдержала тетка.

– Да боюсь, я Тань, – Надька расправила на коленях заметно увлажненный платок и, любовно его поглаживая, продолжила, – ты только пойми меня правильно. У меня на Епифанова как бы права... Дочь общая, алименты... А тут еще Витка Чмух, считай, не чужая... И ты, Тань, тоже женщина одинокая, ласки мужской не знавшая. А тут Епифанов – наш старый друг, лучше новых двух...

– Какие новые, Надь? Какие старые? – не выдержала тет-

ка, – когда никаких нет!

– Так тебе, Тань, вроде и не надо было никогда?

– Вроде и не надо, – согласилась тетка и, помолчав, добавила как-то не очень твердо: – Не надо было никогда.

– А что изменилось, Тань? – насторожилась Чигавонина, – не пугай меня. Неужели у тебя кто появился?

– Не знаю, Надя, что тебе и сказать, – растерялась тетка.

До нее именно в этот момент дошло, что все эти учебные бдения в сайтах знакомств, привнесли в ее серую жизнь какую-то свежую, приятно бодрящую струю.

– Представляешь, Надь, я вот только сейчас, буквально сию минуту поняла, что мир – он большой! Мир, Надь, не побоюсь этого слова, он – громадный! И одновременно, он очень маленький и компактный. Даже, я бы сказала, тесный. И буквально под завязку набитый людьми. И эти люди в нем как медведи. Толкаются, дерутся, в лучшем случае трутся друг о друга спинами, а глазами в глаза посмотреть не решаются. А ты спроси, почему, Надь?

Чигавонина молча пожала плечами. Тетка вышла из-за стола и открыла форточку.

– Душно как-то, не находишь? – она выудила из пачки сигарету и снова задумалась.

– Почему, Тань? – подала голос Надька.

– А потому, Надь, что боятся! – оживилась тетка, – потому, Надь, что в стае зверей прямой взгляд – это явная агрессия. Наглая, ничем не прикрытая угроза. И вот мы все бежим

от этого кошмара, спасаемся, прячемся в своих заповедных скорлупках, футлярах, панцирях. Мы, Надь, как улитки-скопидомки: зыркнули сердито и в кусты. А мир, Надь, я повторюсь, большой! Он, Надь, ведь для того и предназначен, чтоб люди в него заходили иногда энергию свою поизлучать. Поделиться ею с другими людьми. Ну и получать от них взамен ответные импульсы. Люди, Надь, они ведь, как аккумуляторные батарейки. Им подзарядка нужна. В виде простого человеческого общения. А когда такового не происходит, страшные, Надь, вещи происходят.

Чигавонина сидела на стуле в напряженной позе изваяния с острова Пасхи: спина прямая, руки по швам.

– Вот, возьми, Надь, хотя бы меня, – тетка снова задумалась, – Стою я перед тобой, простая русская баба... И вот скажи ты мне Надя, какие у меня в жизни были простые бабьи радости?

Надька неопределенно дернула плечами, но, уловив привычную волну, облегченно вздохнула:

– Да какие у тебя радости, Тань? Такие же, как и у меня. Девочек поднять, с голоду не загнуться, внуков дожидаться – вот оно наше общее с тобой счастье. Не было бы, типа, войны...

– Это все, Надь, понятно, а вот так чтобы конкретно, только для себя? Личная жизнь и все такое?

– Да какая, Тань, личная жизнь! – всплеснула руками Чигавонина, – не смей меня. Пару охранников, пару водителей, Толик участковый и одна случайная связь с врачом-оку-

листом.

– Нет, Надь, я не про это. Я, Надь, про душу твою спрашиваю. Была ли она у тебя когда-нибудь так сильно задета, чтоб дышать было больно?

– Так ведь Епифанов, Таня! Он и меня, и Витку нашу так злобно задел, что как живые остались непонятно.

– А у меня, Надь, представляешь, – тетка покончила с сигаретой, – ничего такого не было.

– И не будет уже, Тань, слава богу!

– Да я и сама, Надь, понимаю, но почему-то именно теперь сдаваться не хочется. Поманило меня что-то издалека...

Тетка опять задумалась, Чигавонина захрустела огурцом.

– Вот возьми хотя бы этот интернет, – прервала молчанье тетка, – чем он хорош, в смысле познакомиться?

– Выбор большой? – догадалась Надька.

– Даже не это, – тетка взялась за новую сигарету, – понимаешь, там можно спокойно, без боязни, сколь угодно долго смотреть чужому человеку в глаза и тебе за это ничего не будет!

– А без интернета догонят и еще дадут?

– Не знаю, Надь, – вздохнула тетка, – может потому, что работа у меня домашняя, может потому, что я больше с текстами общаюсь, чем с людьми, может, я просто устала сидеть в четырех стенах как замурованная, но я чувствую, я знаю... Что-то сдвинулось с мертвой точки, что-то дрогнуло осторожно и вздохнуло. Что-то ойкнуло и пошло. Что-то такое

непонятное, чему я сама пока еще не могу подобрать определения...

– Да, дорогая моя, – покачала головой Чигавонина, – что-то ты действительно заработалась.

– Ну ты же знаешь, я не для себя, я для Олюшки все это затеяла. А она как раз и противится. Не понимает своей выгоды, злится, орет на меня!

– А ты вместо нее! – Чигавонина стукнула кулаком по столу, – хрен кто догадается. А потом доведешь клиента до первого свидания, и поставишь ее перед фактом! Никуда не денется.

– Ладно, до этого еще далеко, – отмахнулась тетка, – а что, кстати, мы с твоим Епифановым делать будем?

Надька резко помрачнела:

– Делай с ним, что хочешь. Мне уже все равно.

– Ну хочешь, я с ним поговорю от лица прекрасной незнакомки, доведу его, как ты предлагаешь, до первого свидания и тебя запущу.

– Не получится у тебя ничего...

– Лучше жалеть о том, что ты сделала, чем о том, чего не сделала.

На этом и порешили.

Тетка проводила Чигавонину до дверей и вернулась на кухню.

Поставила чайник. Раздумала. Включила телевизор и тупо в него уставилась. Менты, в кратких перерывах между

распитием, дружно носились за неугомонной ватагой урок.

Хорошо живут, подумала тетка, весело. Даже любовь мало-мальская случается. Отношения... А я тут сижу как дура, завидую. А ведь обходилась как-то раньше? А что теперь изменилось? Вроде бы ничего! Хотя...

Запахло в воздухе порохом, серой, тюльпанами... Почувствовалось нечто свежее, озоновое, грозное. Замелькали перед глазами стрижи, ласточки, вороны. Закрутились круги цветные, радужные. Неужели это все из-за Сашки? Не думаю. Он лишь катализатор, бумажка лакмусовая, повод веский, но не причина. Что-то здесь другое, скрытое, тайное. Внутри все чешется и свербит. Предчувствие какое? Радость? Беда? Объятыя навстречу раскрыть или подложить соломку?

Тетка смотрела на экран, не понимая, что там происходит. Ментов это несколько не смущало. Парни продолжали рубить бабло, пока горячо.

А у нас ничего не случилось, правда же?

Ничего не случилось. Хотя...

Какое это странное слово – «хотя»! Вроде бы, почти что «хотеть», да не совсем так. «Хотеть» – это слишком неопределенно, сразу возникает вопрос «когда?» А вот «хотя» – это навсегда: и в прошлом, и в настоящем, и будущем. Она ела, хотя. Она пьет, хотя. Она будет трахаться, хотя... Боже мой, да это же счастье. Счастье! Трахаться, пить и есть – хотя! То есть – желая. От всей души, от всего сердца, с нашим вам

удовольствием.

И какое несчастье, когда все эти желания вдруг пропадают.

Вот намедни, подумала, хорошо бы что ли, пройтись. Размять усталые затекшие от неподвижности части тела. Но как-то не-хо-тя подумала, без энтузиазма. Или, может, съесть, что-нибудь? Бесполезного, но вкусного: кремово-жирного, сыро-варено-копченного, пряно-сладко-острого? И снова как-то вяло подумала, скучно, лениво. Или кино посмотреть? С любовью, страстями, красивыми эротическими сценами? Ну? Возжелай! Не-о-хо-та, блин! Так неохота, что челюсти сводит.

Такова старость. Мясо есть, а есть нечем. Израсходовались желания, износились. Вот и Лексеич на днях разоткровенничался о своих непростых половых отношениях с новой корректоршей. Влюблена, мол, как кошка. Пальцем помани – сама все снимет.

– Ну и ты? – вежливо поинтересовалась тетка.

– А что я? – пожал плечами шеф, – я бы, может, и рискнул.

Погулять при луне, поговорить за жизнь, выпить кофейку... Но ведь после этого с ней еще и трахаться придется.

– Так хорошо же.

– Так неохота-а-а.

Вот такие дела. Прямо скажем, незавидные. И мужик-то, вроде, нестарый, жилистый. На днях лишь шестой десяток разменял.

– Не хочешь или не можешь? – на всякий случай переспросила тетка.

– Могу, – спокойно сказал Лексеич, – но не хочу.

И тетка ему поверила. Сама такая же, сонная.

Но решила вдруг пересилить себя. Пойти назло себе погулять. Без авосек и магазинов, по свежему воздуху и красивым местам. Пошла и не пожалела. На бульварах народу – яблоку негде упасть. Все больше молодежь. И тут тетка, мама дорогая, во всей своей непереносимой красе! Лягушка, блин, путешественница, невольная приверженица климакса. Ходит тут, спотыкается. Отражается в юных мартовских лужах.

Хреновое это время года – весна. То холодно, то жарко. Никогда не поймешь, как одеться. Вот и тетка расфуфырилась, калоша, в легкий кожаный плащ. До самого мозга костей промерзла. Пришлось зайти в «Шоколадницу» выпить чего-нибудь горячего. А вокруг – все молодые, все парочками. Омерзительно. Официантка так жалостно смотрит, что не знаешь, то ли послать ее «на», то ли сразу на чай дать? От растерянности заказала десерт с мороженым. Холодный... Давилась, но ела...

И вдруг из зала для некурящих парень выходит. Даже не парень, а молодой мужчина. Высокий, симпатичный такой. Вышел и сразу к тетке. А в руках у него букет громадный, желтый. Тюльпаны и нарциссы. Тетка сразу почему-то вспомнила Булгакова, но там были другие желтые цветы.

Вам нравятся эти цветы? Спросил мужчина. Нравятся. Ответила тетка. Тогда возьмите их, прошу вас, пожалуйста. Мне? За что? Что я вам такого сделала? Ничего, просто так...

Лучше бы отказалась. Он бы их выбросил, и они бы вместе пошли... А она растерялась, приняла, пожадничала. Потом, конечно, стало все понятно, мозги-то свои, натуральные. Девушка к нему на свиданье не пришла, продинамила стерва... Но все равно, сначала было так приятно... И потом было приятно все равно. Когда она шла по улице как чья-то девушка, как королева, то, опуская лицо в лепестки, то, вынимая, то опуская, то вынимая. Задыхаясь от счастья, от головокружения и хотя! Хотя – в смысле, желая – во что бы то ни стало жить, жить, жить...

Оказывается, как мало нужно для счастья. Толчка малюсенького, тонкого намека. Желтых цветов, чужой зависти, весеннего дня... А может, тревога моя, тоска, щемящая боль в сердце с этих долбаных цветов и началась? С их солнечности, обилия, головокружения? С их нестойкости, хрупкости, краткости? Четыре безумных дня и мгновенная смерть. Ржавая сухость, прелая вода... А столько всего еще можно было успеть! Сколько почувствовать, порадоваться, пострадать!

Живем, блин, легкомысленно, незначительно, как эти глупые цветы. Как Кашеи Бессмертные. Думаем, что никто и никогда не доберется до нашей заветной иголки, яйца

не разобьет, на дуб не влезет. А сказка тем и хороша, что в ней намек. Скрытый смысл, второе дно. Обязательно найдется какой-нибудь пьяный Ванька, дурак, счастливчик, которому до зубовного скрежета станет невтерпеж! И подкосит он этот дуб, и вскроет яйцо, и иголкой твоей у себя в зубах поковыряется. Хорошо ему, гаду, привольно!

Так почему же мы не спешим? Не торопимся делать добрые дела? Если не для всего человечества, то хотя бы для себя единственной, любимой. Ведь если каждая женщина на земле будет хотя бы немножко, хотя бы чуть-чуть, хотя бы кратковременно счастлива, значит, она сможет осчастливить и все остальное человечество. Простая же арифметика, поверьте, господа... Не бойтесь совершать поступки, копить их, прессовать, складывать про запас... Пускай они будут глупые, необъяснимые, смешные... Пускай стыдные, ошибочные, запретные... Правильные, смелые, мужественные... Разные! Ведь это моя жизнь, богатая на события и воспоминания. Садитесь, дети, в круг, я расскажу вам о ней.

Так думала тетка, наблюдая сквозь слезы за жаркими языками пламени, вырывающимися с экрана телевизора. Сквозь слезы, люди! Боже мой, и уже немножко сквозь любовь...

Ольга

Вчера он приехал на новой машине. Голубая такая, сверкающая. Я говорю, где взял? Он только плечами пожал. Что, типа, сама не знаешь? Не с наших же, преподавательских трудов такая роскошь.

Понятно. Опять жена подарила. Раз в два года новая игрушка. Балует. Значит любит. Хорошо иметь таких жен. Сама заработала, сама подарила. Сама выбрала, сама в ЗАГС отвела. Сама захотела, сама родила. Куда ни кинь – во всем сама себе хозяйка. Везет же людям. Проворная такая, мастеровитая, уверенная в себе женщина. Продюсер и по работе, и по жизни.

Я спрашивала у него: «Почему ты на ней женился?» А он ответил, что подвернулся, мол, выгодный вариант, почему бы и нет? И живет теперь с этим вариантом, в ус не дует.

Смелая, активная, волевая... Таких, естественно, не бросают.

А каких бросают? Бросают других. Которые мечутся по жизни в поисках радости, а сами не знают, чего хотят.

Вот ты, Оленька, девочка-припевочка, на чем остановила свой рассеянный взгляд? Какую конкретную цель себе в жизни поставила? А?

А нет у тебя никакой цели, и никогда не будет. Потому что не стрелок ты в этом тире, то есть мире, а дичь. Дичь,

за которой никто и не собирается охотиться. Такая неуловимая Джо, которая на фиг никому не нужна.

Вот, может, только маме. И это естественно, а потому не ценно.

Или вот Илюшеньке. Но это не навсегда, а только до тех пор, пока мы рядом находимся. Протянул руку и сразу нащупал. А главное, напрягаться не надо. Дама сама на все готовая. Вот защищусь на днях и брошу его к чертовой матери. Сколько уже можно? Соберу все силы в кулак, и чао, бамбино, сори. Что же ты, мой родной думаешь, что я всю жизнь свою единственную на тебя положу? Да и какая тебе радость от такой жертвы? А главное, в чем корысть? Я тебе даже на «Запорожец» никогда не заработаю, не говоря уже о всяких «Лексусах» и «Ауди». А что делать? Такова «се ля ви». Как Ирка Чигавонина говорит: «Хочешь иметь красивого мужика, готовься за него платить».

А нужна ли мне такая любовь? О нет, дружок, благодарю! Я с тобой только потому, что ты со мной. Причем добровольно. То есть, без принуждения. По обоюдному и безоговорочному согласию. По вторникам и четвергам. С пяти вечера и как повезет. Занятия литературой и любовью. Приятное с полезным. Высокое с низким. Тайное с явным. Духовное с плотским. Умное с безумным. Кошачье с мышинным. Удавь с кроличьим и проч., проч., проч.

Что же тебя так разозлило, милая моя? Неужели эта небесная колымага? Или, все-таки, ее счастливый водитель?

Илюшенька, любовь моя безответная, как же мне быть? Пожалей меня, мой ласковый! Отпусти на все четыре стороны, отпихни обеими руками, отбрось подальше и не вспоминай никогда. Дай моему бедному сердцу отдышаться, очухаться, ожить. Куда там! Сам надкусил, сам и сожрет. Всю без остатка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.